

© 1990 г.

В. И. Бушков

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Исследования 1970—1980-х годов по истории населения современной Ленинабадской обл. Таджикской ССР¹, в географическом плане состоящей из Северного и Центрального Таджикистана, а в историческом объединяемой понятием Северного Таджикистана, положили начало детальному изучению населения этого региона. Полевой этнографический материал, собранный автором в рамках работы Среднеазиатской археолого-этнографической (с 1982 г.— Среднеазиатской комплексной) экспедиции исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1970—1974, 1978, 1979 и в 1980-х годах, позволил существенно расширить и углубить эти исследования². В результате оказалось возможным выявить этнические процессы в регионе за достаточно длительный исторический период и составить подробную этническую карту Ленинабадской области³, что может иметь практическое значение для национального и социально-культурного строительства в республике.

Имеющиеся в нашем распоряжении обширные поселенные статистические данные за 1870—1931 гг.⁴ позволяют дополнить, уточнить и конкретизировать полевые материалы, выявить процессы, с трудом фиксируемые другими источниками, в том числе проследить процессы образования селений, рост и развитие их внутренней структуры, миграцию населения на межкишлячном, межрайонном и межобластном уровнях и т. д.

Сводный этностатистический материал дан на 1926 г. (табл. 1). Это вызвано рядом причин. Во-первых, всеобщим характером и наибольшей полнотой переписи 1926 г. применительно к национальной принадлежности, во-вторых, наибольшей доступностью данных переписи для исследователя и, в-третьих, отсутствием после 1931 г. опубликованных поселенных материалов, что делает невозможным как сравнительный, так и статистический анализ территориальных процессов⁵. Здесь следует кратко остановиться на материалах переписи 1926 г., качественный уровень которой исключительно высоко оценивается специалистами⁶. Целиком присоединяясь к этому мнению, все же отмечу, что поселенный анализ материалов переписи обнаруживает отдельные, но часто весьма существенные ошибки в определении этнической принадлежности населения в изучаемом регионе. Исправление этих ошибок возможно лишь на основе полевых этнографических обследований и привлечения всей совокупности переписей по каждому отдельному селению за достаточно длительный период. Затрудняют использование переписи и некоторые ее особенности: детальная разбивка на этнические группы лишь сводных данных; показ сводных данных часто в иных, чем в настоящее время, административных границах; недоучет в переписях некоторой части населения. В силу этого этнический состав современных Ходжентского, Пролетарского, Науского, Ура-Тюбинского, Ганчинского и Пенджикентского р-нов подсчитан мной по селениям. Соответственно по определенной методике учитывались и иные особенности переписи⁷.

Первые исторические сведения о населении региона относятся к периоду античности, когда местное население состояло из саков и согдийцев⁸. Вопрос о населении эпохи раннего средневековья вплоть до монгольского нашествия

Этнический состав населения Ленинадской обл. на 1926 г.*

Город и район	Численность этнических групп, чел. / %							
	таджики	узбеки	киргизы	казахи	татары	русские	прочие	всего
г. Пенджикент	3707/96,4	24/0,6				93/2,4	23/0,6	3847/100
Пенджикентский р-н	18384/62,5	10960/37,2				3/—	84/0,3	29431/100
Айнинский р-н	21780/92,2					1/—	1842**/7,8	23623/100
Матчинский (старый) р-н	13542/99,2						105/0,8	13647/100
Матчинский (новый) р-н + правобережье Ход- жентского р-на	1356/15,6	6934/79,5	64/0,7				369/4,2	8723/100
Ходжентский (левобережье) р-н	18510/57,2	13724/42,4	49/0,2				60/0,2	32343/100
г. Канибадам	18208/94,4	790/4,1	2/—	4/—	51/0,3	224/1,2		19279/100
Канибадамский р-н	5793/27,6	14950/71,1	276/1,3			2/—		21021/100
Исфаринский р-н	30521/87,6	3815/10,9	494/1,4			13/0,1		34843/100
Аштский р-н	12778/59,0	8725/40,3	124/0,6			14/0,1		21641/100
Пролетарский р-н	103/0,8	11462/93,5	61/0,5	559/4,6			67/0,6	12252/100
Науский р-н	89/0,6	13649/99,2	14/0,1				9/0,1	13761/100
Зафаробадский р-н		731/100						731/100
г. Ура-Тюбе	17375/82,5	3056/14,5				423/2,0	202***/0,1	21056/100
Ура-Тюбинский р-н	19491/47,6	20112/49,0	402/1,0	957/2,3			46/0,1	41008/100
Ганчинский р-н	13525/52,0	12564/48,0						26189/100
г. Ленинабад	31708/84,8	4606/12,3	12/—		60/0,2	697/1,9	299/0,8	37382/100
Всего по области:	226970/62,9	126102/35,0	1498/0,4	1520/0,4	111/—	1470/0,4	3106/0,9	360777/100

* Составлена по материалам: Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927. С. 169—170, 178—183; Вып. 2. Поселенные итоги Таджикской АССР. Самарканд, 1927. С. 143—155. В таблице не учтено русское население железнодорожных и горняцких поселков — 3,2 тыс. чел.

** Из них 1829 ягнобцев.

*** Из них 1 туркмен и 45 чел. «коренных» национальностей, не выделенных переписью.

остаётся более дискуссионным и увязывается здесь с системой его расселения и процессом образования государства Уструшаны. Из письменных источников нам известно довольно много селений этого периода — Бунджикат (совр. Шахристан), Фагкат (Ура-Тюбе), Марсманда (Басманда-Калининабад), Суйдак (Угук), Минк (Метк), Газа (Газандарак), Аркент (Ругунд), Нуджаникат (Ниджони), Курушкада (Куркат), Гулякандоз, Самгар, Мадрушкат и некоторые другие, однако отождествление ряда из них с современными поселениями спорно⁹. Хотя имеются свидетельства о появлении в регионе в домонгольский период тюркоязычных групп¹⁰, достоверными сведениями об их племенном составе наука пока не располагает. Существование в р-не г. Ура-Тюбе селений Аргу и Кунджак свидетельствует, возможно, о периодических переселениях нетюркского населения в эти места в период, непосредственно предшествующий появлению здесь монголов. В. В. Бартольд говорит об этнических группах *аргу* и *кенджек*, проживавших в Восточном Туркестане, как о группах нетюркского происхождения¹¹. По данным Б. Х. Кармышевой, остатки этих групп на юге Таджикистана вошли в состав тюрков и кунгратов¹². В Ферганской долине аргу отмечены в составе узбеков и киргизов¹³. В настоящее время в селении Аргу Ура-Тюбинского р-на проживают таджики, не сохранившие преданий о своём происхождении и занимающиеся скотоводством, в селении Кунджаке — таджики, выходцы из Каратегина и Матчи, и узбеки кырк-юзы и марка-салым¹⁴.

Формирование современного этнического состава населения Ленинабадской обл. началось в послемонгольское время, когда в результате известных военно-политических событий произошли крупные передвижения значительных масс тюркоязычного скотоводческого населения, изменилась их племенная номенклатура, появилось новое, монголоязычное население. Эти события, несомненно, отразились и на местном ираноязычном населении. По единодушному мнению советских исследователей, последствия монгольского завоевания имели для населения Средней Азии самый катастрофический характер¹⁵. Были заброшены многие селения, часть жителей которых погибла, часть была уведена в плен, а часть была вынуждена переселиться в другие районы. Восстановление этих селений, в значительной степени на совершенно иной этнической основе, началось лишь в XIV в. и продолжалось на протяжении всего средневековья вплоть до XIX в.¹⁶

Весьма характерна в этом отношении территория бывшего уструшанского рустака (района) Минка (южная часть современного Ганчинского р-на), где археологическими и этнографическими исследованиями последнего десятилетия получены существенные материалы по истории местного населения. Так, археологическими раскопками в районе селений Метка и Росровута выявлены остатки крупного домусульманского культового центра, действовавшего вплоть до монгольского завоевания¹⁷. Материалы погребений из этих селений свидетельствуют о замене в домонгольский период погребального обряда, что, возможно, говорит о приходе сюда иных групп населения, предположительно из бассейна р. Исфара¹⁸. Исследования показывают, что население другого крупного местного селения — Басманды — выходцы из исфаринского селения Чорку, переселившиеся сюда в XIV в.¹⁹ Здесь же в XVII—XVIII вв. на пустующих землях, где от ранее проживавшего населения остались лишь кладбища, образовался ряд предгорных селений²⁰. В основном мигрировали таджикоязычные группы.

К сожалению, у нас нет достаточно полных данных о формировании ираноязычного населения во всем регионе. Получить подобные сведения методами полевой этнографии удастся с трудом, так как таджикское земледельческое население, не сохранив племенного деления, лишь в исключительных случаях помнит о сравнительно недавних переселениях достаточно крупных групп. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что эти переселения шли несколькими путями. Как уже упоминалось, в XIV в. и частью позднее

фиксируется наплыв переселенцев из западной части Ферганской долины (Исфары, Касана, Соха) в округу Ура-Тюбе и южную часть Ганчинского р-на. Видимо, не позднее XVIII в. группы матчинцев, ягнобцев и в меньшей степени каратегинцев, перейдя Туркестанский хребет, образовали ряд селений на заброшенных и опустевших местах на северном склоне хребта (селения Пушти-охтохону, Каджровут, Сурхоб и др.)²¹.

Отдельные более мелкие группы переселенцев продвигались севернее, оседая в Ура-Тюбе, вокруг него и в других местах. В то же время крупная группа переселенцев из Ура-Тюбе, продвигаясь на юг, образовала ряд селений в непосредственной округе города. Оба эти процесса столкнулись с третьим — продвижением с запада тюркоязычных групп. В Шахристанской котловине это продвижение было сильным и помогло вытеснению ираноязычного населения шахристанской округи. Восточнее оно потеряло силу. Здесь стабилизация была достигнута в результате образования смешанных таджикско-узбекских селений — Чирой-таджик и Чирой-узбек, Кармыш-таджик и Кармыш-узбек, Пашши-таджик и Пашши-узбек, Кунджак-таджик и Кунджак-узбек, Карасакал-таджик и Карасакал-узбек и др., чем было закреплено территориальное влияние и земельно-водные права различных в этническом отношении групп населения²². Несомненно, эти процессы проходили далеко не всегда так гладко и безболезненно, как пытаются представить отдельные исследователи²³. При переселении использовались прямая сила, религиозный авторитет, власть и деньги, дело кончалось убийствами, разорением и изгнанием целых групп населения, причем нередко многократно на протяжении относительно коротких исторических периодов. Ситуация осложнялась исключительной политической нестабильностью в регионе²⁴.

Как и в уратюбинской округе, многие селения Ходжентского р-на (Ева, Румон, Кулангир, Шейх-Бурхон и др.) формировались в значительной мере за счет переселенцев из г. Ходжента, а в Исфаринском р-не многие таджикские кишлаки Средней и Нижней Исфары — за счет избыточного населения Верхней Исфары (в основном кишлака Воруха) и частично за счет переселенцев из Матчи²⁵. В Исфаринской долине процесс образования новых селений в XVIII—XIX вв. напоминает этот процесс в районах к югу от Ура-Тюбе. Здесь также поток переселенцев-таджиков столкнулся с движением тюркоязычных групп из округи крупных кокандских центров Яйпана и Рапкана на юг. В результате смешения этих потоков возникло около двух десятков смешанных селений к востоку и северу от Исфары. В Аштском р-не отмечена миграция таджикского населения из древних местных центров — Пангаза, Пунука и Ашта, но здесь она была относительно слабой из-за недостатка в округе пригодных для освоения земель.

В районах бассейна Верхнего Зеравшана (Матче, Фальгаре, Фане, Ягнобе, Кштуте, Магиано-Фарабе, Афтобруе и Пенджикенте), хотя и были времена, когда население значительно уменьшалось в результате миграций²⁶, длительных периодов, когда совершенно забрасывались значительные массивы селений, видимо, не было. Исключение составляли ближняя пенджикентская округа, население которой к эпохе позднего средневековья практически было тюркоязычным и хозяйство которого имело скотоводческий характер²⁷, а также бассейн р. Сарытаг (выше оз. Искандеркуль), где, по данным полевых исследований, в средние века существовала группа небольших кишлаков, составляющих самостоятельный экономический организм и заселенных отдельными семейно-родственными группами. По сообщениям информаторов, это селения Арк, Масляхат-тепа, Дехондара, Замбар, Ходжа Кшивар, Ходжа Хофиз, Налистон, Бозорджой, Чуянгарон, Натарен, Ходжа Джашен, Сарытаг²⁸. В верховьях Зеравшана в позднем средневековье и в новое время заселялись в основном не обжитые ранее места. Это заселение происходило, как правило, за счет избыточного местного населения и в меньшей мере за счет мигрантов из южных районов Таджикистана.

Несколько иначе складывается ситуация с тюркоязычным населением в регионе. Сплошным полевым обследованием работавшая здесь экспедиция МГУ собрала обширный материал, позволивший с достаточной полнотой установить этническую номенклатуру тюркоязычных групп Ленинабадской обл. и в общих чертах реконструировать историю их поселения в крае. Среди группы шахристанских тюрков выявлены представители домонгольского и монгольского времени — *карлуки* и *барласы*²⁹. Эти группы тюрков сохранили кочевой образ жизни до рубежа XIX—XX вв. В процессе перехода к оседлости тюрками были образованы селения (частью на месте зимовок) Джаркутан, Кулькутан, Мурьяк, Кучкана, Гаутак и др. Небольшие группы тюрков обосновались в селениях Ганчинского и Ура-Тюбинского р-нов, занятых иными племенными подразделениями. Группы тюрков, зимовки которых располагались на правом берегу Сырдарьи, образовали в начале века селение Акджар-узбек и расселились в ряде других селений правобережья.

Что касается барласов, то первые исторические свидетельства об их появлении в дальней округе Пенджикента относятся к XIV в., когда они расселились в бассейне Кашкадарьи³⁰. Учítывая, что уже в тот период часть барласов начала переходить к оседлости³¹, следует предположить, что некоторые их группы, сохранившие кочевой образ жизни, в поисках свободных пастбищ начали продвигаться вверх по Кашкадарье и ее притокам и через Фараб продвинулись в низовья Магиана, оказавшись в непосредственной близости от Пенджикента.

С предмонгольского времени сохранились группы *хитоев* (*каракитаев*), проживающие в селении Хитой (совр. Пахтакор) и частично Хитой-реза (совр. Узбек-кишлак). Их появление здесь связывается с периодом после 1137 г., когда под Ходжением хитой разбили войско владельца Маверранахра Махмуд-хана³². Причем, по сообщениям информаторов, в селение Хитой-реза каракитаи переселились позднее из Хитоя. Вместе с карлуками хитой составили основу населения кишлака Ашоба Аштского р-на.

По-видимому, в XIII—XIV вв. сформировалось современное население кишлака Чорбог Ура-Тюбинского р-на, сохранившее этноним *чагатаи*. Проживающие в других селениях Ганчинского р-на этнические группы чагатаев немногочисленны.

Вероятно, с XIV в. в селениях Ниджони, Каирма и Пашши обитают группы *джалаирав*, ранее расселенные более широко. Их поселение в регионе связывается с пожалованием окрестностей Ходжента в удел улусу джалаирав и его уничтожение Тимуром в 1375/76 г.³³, что неизбежно должно было вызвать оседание на землю части кочевников, потерявших возможность вести традиционную периферию улуса, можно реконструировать границы улуса. Поскольку сейчас джалаиры наиболее компактно расселены по северным отрогам Туркестанского хребта до Джизака, а на севере — в низовьях Ангрена, можно считать, что в улус входила степная зона к северу от Ура-Тюбе и до Джизака, периферия гор Моголтау и западной части Кураминского хребта. Жители упомянутых селений — джалаиры, чагатаи и хитой — достаточно давно перешли к оседлому образу жизни, хотя и сохранили скотоводство в качестве ведущей отрасли хозяйства.

С рубежа XV—XVI вв. началось продвижение в Северный Таджикистан даштикипчакских племен, принесших с собой этноним *узбек*³⁴. Кипчаками были образованы селения Кипчак Зафаробадского р-на, Янги-кипчак и Халдар-кипчак Ура-Тюбинского р-на. Эти кипчаки уже давно осели на землю. Другая же их часть, сравнительно недавно перешедшая к оседлости, продвигаясь на восток вдоль Сырдарьи, обосновалась вокруг Канибадама и основала ряд селений на правобережье Сырдарьи — Сасык, Калям, Гадж, Дагана и др.³⁵ Процесс формирования этих селений и переход их жителей к стационарному жилищу закончился к концу первого десятилетия XX в.

В XVII в. в регионе появилась крупная группировка *юзов*, которые в XVIII в.

захватили власть в Ура-Тюбе ³⁶. Различные позразделения юзов (*кырк, парча, тартули* и др.) составили основу населения поселений Яхтан, Хуштоир-мухлон, Кизили, а также широко расселились вокруг Ура-Тюбе, Ганчи и Шахристана.

Селения так называемой навгандинской группы, в которых проживают *баяуты, уязы, парча-юзы* и др., окончательно превратились из аулов в кишлаки в 1870—1880-х годах, когда завершился переход их жителей к стационарному жилищу ³⁷. Северо-восточнее современной железнодорожной ст. Хаваст еще в начале XX в. сохранялись развалины Навганда, что, возможно, указывает на прежние места проживания некоторых из этих групп. В районе современных селений Яхтан — Хуштоир-мухлон, Парча-юз — курган Постатеппа и севернее селения Лякат расположены три значительные по площади группы развалин, свидетельствующие о многократных более ранних попытках обживания этих мест.

Массовое оседание на землю скотоводческих групп Голодной степи произошло в конце XIX — первой четверти XX в., когда скотоводы основали десятки селений на периферии гор Моголтау и отрогов западной части Кураминского хребта. Часть селений возникла на месте прежних зимовок Айнабулак, Ульбабулак, Каттаайры и др. Первоначально бывшие скотоводы оседали в самых верховьях *саев* (горных речек) и урочищ, позднее, по мере перехода к земледелию, спускаясь вниз. Племенной состав этой части тюркоязычного населения Ленинабадской обл. остается наименее изученным. Видимо, здесь достаточно велика доля кипчаков (селение Дунгбулак), отмечены также болгали и киргизы.

Компактная группа *катаганов*, проживающая в одноименном селении к юго-востоку от Ленинабада, появилась здесь, вероятно, около середины XVIII в. из-под Ташкента ³⁸, а небольшие группы *мангытов* и *кенегесов*, осевшие к югу от Ганчи, перекочевали сюда, возможно, в первой половине XVIII в. из-под Шахрисябза ³⁹. В дальнейшем мангыты и кенегесы были частично вытеснены, частично ассимилированы расселившимися в этих же местах узбеками-карапча.

Процессами, определявшими формирование населения ближней пенджикентской округи в последние столетия, были передвижения двух крупных тюркоязычных групп — *туяклы* и *кальтатаев*. Появление в окрестностях Пенджикента первых небольших групп туяклы, вероятно, можно отнести к XVII в., когда они продвинулись туда от Заamina в обход Туркестанского хребта с запада ⁴⁰. Основная же их масса сконцентрировалась здесь несколько позднее — в XVIII в., постепенно двигаясь по левобережью Зеравшана вверх. Кочевья *кальтатаев* находились здесь уже до прихода туяклы. Известия о том, что в более северных районах (Ура-Тюбе — Ганчи) они появились в конце XVI — первой половине XVII в. с юго-запада, позволяют предположить их проживание в округе Самарканда в более ранний период ⁴¹. Под давлением туяклы *кальтатаи* были вынуждены продвигаться в поисках свободных пастбищ вверх по правобережью Зеравшана, местами переправляясь на левый берег. Конец XVIII — первая половина XIX в. — период первоначального оседания указанных групп на землю и создания ими селений в форме постоянных аулов. После присоединения в 1870 г. края к России начался новый этап оседания местных скотоводов на землю. За 1870—1930 гг. здесь резко возросла численность селений. При этом при умеренном росте числа таджикских кишлаков число селений с тюркоязычным населением возросло более чем в 2 раза. Если в 1870 г. доля узбекских селений современного Пенджикентского р-на составляла 30% от их общего числа, то уже в 1927 г. — 42%, а к 1970 г. — 46% ⁴².

В результате всех этих передвижений в пределах Ленинабадской обл. стали проживать свыше 40 тюркоязычных племенных и родо-племенных подразделений, не считая киргизов и казахов.

Несомненно, ранее многие племенные группировки соотносились между собой иерархически. Причем иерархия эта постоянно менялась в зависимости от выдвигания на первые роли тех или иных племен. Хотя данный вопрос приме-

Родо-племенной состав узбекского населения Северного Таджикистана *

Племя	Подразделение	Племя	Подразделение
Тюрки	Карлуки Барласы Махаттари Кальтатаи Карабуины	Карапча Арбоб Баяуты Локайцы	Бохрин / Бекрин Сорек Ичкилик Итарчи
Чагатаи Хитои / каракитаи Мангыты Кенегесы Кипчаки Юзы	 Кармыш Парча Кырк Тартули Туркман-джуз Марка Туяклы Урохлы / сурохлы	Болгали Катаганы Кураминцы Минги Найманы Уязы	Джалаиры Кунгроты Джаулчанац Каль Саккиз

* Таблица составлена по полевым материалам Среднеазиатской археолого-этнографической экспедиции МГУ за 1970-е годы. Племенной состав дан таким, каким он сложился к началу XX в. в Северном Таджикистане. Таблицу следует рассматривать как ориентировочную, так как вопрос требует дальнейшего исследования.

нительно к региону изучен недостаточно, имеющиеся материалы позволяют говорить о некоторых иерархических группировках, в частности о существовании объединения болгали, которому подчинялись некоторые ранее самостоятельные этнические группы, такие как *кунгроты*, *джалаиры* и *джаулчанац*. По другим данным, *марка*, *карапча*, *туяклы* и другие группы входили в состав юзов⁴³ (табл. 2). Этот состав значительно отличается от племенного состава узбеков в других регионах, например на юге Таджикистана⁴⁴.

Все крупные миграции тюркоязычных групп в Северный Таджикистан последних столетий происходили с запада на восток. Встречное движение — с востока на запад — было незначительным. Здесь можно отметить *локайцев*, образовавших селение Логинд Зафаробадского р-на, *каракалпаков* и *кашгарцев*, поселившихся в юго-восточной части Аштского р-на, группу узбеков-*мингов* в Канибадамском р-не и узбекские группы, не сохранившие племенного деления и поселившиеся в средней и восточной части Исфаринского оазиса.

Что касается *сартов*⁴⁵, группировавшихся в Гулякандозе, а позднее и в других селениях современных Пролетарского и Науского р-нов, то материалы по Ленинабадской обл. свидетельствуют, что сартское население в последние столетия формировалось исключительно на тюркоязычной основе⁴⁶. Как представляется, процесс ассимиляции раннего ираноязычного населения Гулякандоза шел параллельно с формированием сартского и был связан со стремлением жителей Гулякандоза освоить перспективные пустующие присырдарьинские земли, расположенные вокруг селения и западнее его. В рамках этого процесса поглощались и ассимилировались различные мелкие тюркоязычные группы, прибывавшие как с востока, так и с запада. Возможно, в период средневековья, когда складывалось понятие *сарт*, различия в способах хозяйственной деятельности и иной образ жизни в сравнительно недавнем прошлом этнически близких групп населения воспринимались скотоводческой средой исключительно остро и вызывали необходимость в особом понятии, отражавшем уже не этническую принадлежность, а принадлежность к иной хозяйственной, в более широком плане — социально-культурной среде. Поэтому весьма продуктивным, на наш взгляд, могло бы быть выяснение соотношения между понятиями и этно-

Таблица 3

Этнический состав населения Ленинабадской обл. в 1970 г.

Всего жителей	Численность этнических групп, чел. / %						
	таджики	узбеки	киргизы	казахи	татары	русские	прочие
937721/100,0	495866/52,9	267083/28,5	12511/1,3	1277/0,1	30391/3,2	99834/10,6	30759/3,4

Таблица 4

Численность населения Ленинабадской обл. в 1870—1970 гг., тыс. чел.*

Годы	1870 г.	1904 г.	1926 г.	1931 г.	1959 г.	1970 г.
Число жителей	143,4	293,4	363,9	445,8	666,0	937,7

* Подсчитано по материалам, приведенным в примеч. 4.

ними *сарт*, *узбек* и *тюрк*, с учетом их хозяйственной деятельности и образа жизни. Во всяком случае, несомненно, что в XIX — начале XX в. сарт — понятие не этническое, а социальное.

Киргизы и казахи составляли крайне незначительную часть населения Ленинабадской обл. Казахи, в настоящее время узбекизированные, населяют два кишлака: Казнок Пролетарского и Увак Ура-Тюбинского р-нов; киргизы — селения Буреген⁴⁷, Мукур, Верхний Кенкуль Ура-Тюбинского, Матпари, Киргиз-кишлак, Найман, Карабог Исфаринского, Кырк-кудук Аштского, ряд селений Нового Матчинского и правобережья Ходжентского р-нов, а также составляют незначительную часть жителей (1—10%) некоторых селений Науского, Пролетарского, Канибадамского и Аштского р-нов.

Рассмотрим общую этническую характеристику области на 1926 г. (см. табл. 1). Как мы видим, доминирующей группой в регионе в конце 1920-х годов являлись таджики, узбеки составляли около 35%. В группу «прочие» вошли в основном ягнобцы, евреи, цыгане и не выделенные переписью этнические группы коренного и некоренного происхождения. Русское население в тот период было, в общем, незначительным, хотя в таблице и не учтено преимущественно русское население железнодорожных и горняцких поселков. В этих поселках насчитывалось 3,2 тыс. человек, или менее 1% всего населения области. По данным переписи 1970 г.⁴⁸, этнический состав Ленинабадской обл. был следующим (табл. 3).

Таким образом, за период 1926—1970 гг. состав населения области существенно изменился в основном за счет переселенцев из западных районов СССР: русских, украинцев, белорусов, башкир, мордвы, а также корейцев и других национальностей, указанных в графе «прочие». Однако таджики, как и прежде, составляют большую часть населения области.

Характеристика современного населения будет неполной, если хотя бы вкратце не показать динамику его роста за период с 1870 г. Имеющиеся статистические источники позволяют это сделать с достаточной точностью и полнотой (см. табл. 4). Следовательно, за 100 лет население области увеличилось более чем в 6,5 раз. И в последующие годы темпы прироста населения продолжали оставаться исключительно высокими. К 1974 г. население области превысило миллионную отметку, а на 1 января 1987 г. составило 1488 тыс. чел.⁴⁹ Следовательно, к 1987 г. численность населения с 1870 г. возросла более чем в 10 раз.

После образования Таджикской АССР (1924 г.), а затем Таджикской ССР (1929 г.) сильнейшим фактором, влияющим на этническую ситуацию, становится индустриально-экономический. Развитие прежде всего добывающей промыш-

ленности, требовавшей рабочих рук, привлекло в регион массу переселенцев, в основном из России. Формирование горняцких поселков с конца 1920-х годов происходило на межэтнической основе и помимо местных жителей — таджиков, узбеков и киргизов — шло за счет переселенцев некоренных национальностей. Возникли новые города и поселки вокруг Ленинабада, поселки городского типа у Кураминского хребта, а позднее и в бассейне Верхнего Зеравшана, изначально многонациональные. Например, среди жителей пос. Зеравшан-2 на Искандердарье помимо русских и татар много выходцев из близлежащих селений (Хайрамбета, Макшевата), которых привлекала возможность получения стабильных и высоких заработков, а также проживание в квартирах городского типа со всеми удобствами, совмещаемое с ведением традиционного хозяйства в родных селениях. Крупные ирригационные работы в Голодной и Дальверзинской степях позволили создать здесь ряд новых крупных современных поселков (Зафаробад, Мехнатобад, Матчу, Оббурдон и др.), жители которых переселились сюда из Матчи и Ягноба в 1950—1970-х годах, образовав сплошные таджикские массивы в некогда тюркоязычной кочевой степи. Развитие промышленности в городах привлекает избыточное население горных и предгорных селений Туркестанского хребта (Пушти-охтохоны, Ичкилика, Сумбулькента и др.), жители которых переезжают в Зафаробадский р-н, Нау, Пролетарск, Ленинабад и другие места с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Однако наряду с этим отмечается стремление некоторой части населения, традиционно занимающейся скотоводством, сохранить это занятие в условиях интенсивного расширения зоны поливного земледелия. Так, в поисках пастбищ жители практически покинули селение Сексари Ура-Тюбинского р-на, небольшая группа скотоводов поселилась в горном распадке на правом берегу Сырдарьи возле мазара (святого места) Чешма-азана.

В процессе консолидации наций уходит в прошлое племенное деление тюркоязычных групп, заменяясь этнонимом *узбек*. В ираноязычной группе полностью вышел из употребления термин *гальча*, бытовавший ранее в ряде горных районов. Термин *сарт* сохраняется в памяти лишь немногих жителей.

Таким образом, анализ процесса сложения населения показывает, что современное население Северного Таджикистана (Ленинабадской обл.) складывалось стихийно на протяжении длительного исторического периода. В этом процессе участвовали самые различные по происхождению группы ирано- и тюркоязычного населения. Главным фактором здесь были постоянные, различные по интенсивности миграции населения. Важная роль принадлежала и ассимиляционным процессам, особенно в равнинной части области; в последние десятилетия на первое место выходит внутриэтническая и межэтническая консолидация.

Рассмотренные нами материалы показывают, что в основе значительной части этих процессов лежат хозяйственные интересы, связанные с освоением новых земель или с перераспределением старых. Постоянно происходит расширение зоны поливных земель и сокращение пастбищных. В последних случаях возникают очаги социальной напряженности, негативно сказывающиеся на обеспечении жизнедеятельности различных групп населения.

Если до конца первой трети XX в. отмечалось некоторое сокращение земель, где проживает таджикоязычное население, и не только за счет его вытеснения из традиционных мест проживания, но и за счет тюркизации, то начиная с 1930-х годов территории, занимаемые таджикоязычным населением, начинают расширяться. Это происходит в основном на базе государственного регулирования переселенческих процессов. Однако и в настоящее время действует ряд негативных факторов, осложняющих межнациональную ситуацию в регионе. В первую очередь следует отметить демографический фактор, в результате которого и сейчас, когда по сути прекратился прирост населения за счет приезжих и даже начался их отток (русского городского населения), темпы ежегодного прироста сохраняются на уровне четырех процентов. В ре-

зультате за 120 лет размер общей территории, приходящейся на одного жителя, сократился с 18 до 1,8 га, что, учитывая рельеф местности, существенно осложняет условия хозяйствования и ухудшает среду обитания. Антропогенная деятельность в горной части региона привела, например, к тому, что только летом 1987 г., по сообщениям Таджикского телеграфного агентства, в Ленинабадской обл. пострадало от селей свыше 100 населенных пунктов (т. е. каждое седьмое-восьмое селение), чего в таких масштабах никогда не отмечалось ранее.

Кроме того, практика обеспечения промышленности рабочей силой за счет ее ввоза из России привела в итоге к отрицательным последствиям. Во-первых, это стимулировало сложение значительного отряда не занятого в общественном производстве местного населения. Во-вторых, существование классово различных групп населения, совпадающих с различиями этническими и конфессиональными и объективно имеющих различные экономические интересы, создает дополнительный очаг социальной напряженности, преодолеть который традиционными методами не представляется возможным. В последнее время в печати отмечаются и существенные ошибки, допущенные в ходе переселения крупных групп населения⁵⁰. Таким образом, выявляются основные направления работы по совершенствованию межнациональных отношений, определенную помощь которой может оказать детальное знание этнического состава населения региона, а также учет миграционных процессов, демографической ситуации и хозяйственной деятельности населения.

Примечания

¹ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Душанбе, 1976; Ахмадеев Н. А. Тюркоязычное население Северного Таджикистана (расселение и хозяйство). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

² Полевые материалы Среднеазиатской археолого-этнографической (с 1982 — Среднеазиатской комплексной) экспедиции исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством С. П. Полякова (в дальнейшем: Полевые материалы СААЭЭ/СКЭ) // Архив кафедры этнографии исторического ф-та МГУ.

³ Этническая карта составлена по состоянию на середину 1970-х годов, когда были собраны основные материалы. В настоящее время реальная поселенческая ситуация в результате работ по освоению новых территорий несколько отличается от зафиксированной в карте. Эти изменения накапливаются постоянно, касаясь в первую очередь побережья Сырдарьи, а также восточной части степи Кизили. Карту см. Бушков В. И. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. Приложения.

⁴ Кушакевич А. А. Статистические сведения о городах Ходжент и Уратюбе // Материалы для статистики Туркестанского края (ежегодник). Вып. 1. СПб., 1872. С. 49—52; *его же*. Аулы, урочища и кишлаки, в которых расположены зимовые стойбища кочевников Ходжентского уезда // Там же. С. 27—34; *его же*. Кишлаки Ходжентского уезда // Там же. С. 35—48; *его же*. Сведения о Ходжентском уезде // Зап. Императ. Русск. геогр. о-ва. Т. 4. СПб., 1878. С. 173—265; Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг. Вып. 1. Самарканд, 1890; Список населенных мест Самаркандской области (по сведениям 1904 и 1905 гг.). Самарканд, 1906; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Предварительные итоги. Вып. 3. М., 1927; Список населенных пунктов ТаджССР. Сталинабад, 1932 и другие источники.

⁵ Имеющиеся в архивах первичные материалы переписей 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. до недавнего времени были мало доступны исследователям. В настоящее время в связи с проводимой Главархивом СССР и Главархивами союзных республик совместно с ведомствами работой по снятию неоправданных ограничений на архивные документы, в том числе и статистические, материалы переписей переводятся на общее хранение. Однако их детальное изучение — дело будущего.

⁶ Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 году // Вопр. истории. 1980. № 6. С. 40.

⁷ Бушков В. И., Поляков С. П. Методы организации полевых этнографических исследований. (Опыт работы Среднеазиатской комплексной экспедиции исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) // Проблемы сравнительных исследований в социологии (методы сбора данных). М., 1988. С. 183—195; Бушков В. И. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 26, 101, 116, 150.

⁸ История Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 35—36.

⁹ Негматов Н. Н. Усрушана в древности и раннем средневековье // Труды Института истории АН ТаджССР. Т. 55. Сталинабад, 1955. С. 138—150; *его же*. Государство Саманидов. Душанбе, 1977. С. 43—44; Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988. С. 63—64; История Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 41.

¹⁰ Существенное значение для понимания этнической ситуации кроме письменных свидетельств о токуз-огузах, карлуках и каракитах (IX—XII вв.) имеют найденные в результате археологических работ в Северном Таджикистане образцы древнетюркской письменности, а также известная тюркская надпись XI в. в Ворухском ущелье. Немаловажна кроме того обнаруженная Среднеазиатской экспедицией МГУ в одном из памятников Канибадамского р-на трилингва, датированная 715 г. и дающая образцы греческой, согдийской и тюркской письменности. См.: *Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники* // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 547; *Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане* // Сов. археология. 1967. № 1. С. 272—274; Полевые материалы СААЭЭ/СКЭ за 1972, 1980 гг.

¹¹ *Бартольд В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор)* // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 587.

¹² *Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана*. М., 1976. С. 90, 173.

¹³ Полевые материалы СААЭЭ/СКЭ за 1972, 1985 гг.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Общее мнение советских ученых и библиография по этому вопросу изложены в раб.: *Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия* // Соч. Т. 1. М., 1963. С. 530.

¹⁶ *Бушков В. И. Указ. раб. С. 68, 71—73.*

¹⁷ *Пулатов У. П. Городище Калаи Кофар* // Археологические открытия за 1984 г. М., 1986. С. 482—483.

¹⁸ Полевые материалы СКЭ за 1984 г.

¹⁹ *Бушков В. И. Указ. раб. С. 71.*

²⁰ Там же. С. 72; Полевые материалы СААЭЭ за 1971 г.

²¹ *Турсунов Н. О. Указ. раб. С. 254—255.*

²² *Бушков В. И. Указ. раб. С. 80.*

²³ *Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 95.*

²⁴ *Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С. 18.*

²⁵ *Кисляков Н. А. Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков* // Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР (Материалы по истории, археологии и этнографии). Вып. 5. Сталинабад, 1954. С. 45—46.

²⁶ *Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1. Ташкент, 1910. С. 10.*

²⁷ *Бушков В. И. Указ. раб. С. 63, 68; его же. Этнические процессы в бассейне Верхнего Зеравшана в последней трети XIX—XX вв.* // Источниковедение массовых источников. М., 1988. С. 25.

²⁸ *Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 149; Мухтаров А. М. Хроника полевых работ отряда сектора истории средних веков (1963—1973 гг.)* // Археологические работы в Таджикистане в 1973 г. Вып. 13. Душанбе, 1977. С. 250; *Бушков В. И. Население Северного Таджикистана. С. 68—67.*

²⁹ *Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 57—58.*

³⁰ *Бартольд В. В. История Туркестана* // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 153; *его же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии* // Там же. Т. 5. М., 1968. С. 172.

³¹ *Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 476.*

³² *Бартольд В. В. Туркестан... С. 386.*

³³ *Бартольд В. В. Двенадцать лекций... С. 172.*

³⁴ *История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1967. С. 501—502.*

³⁵ *Бушков В. И. Население Северного Таджикистана... С. 159—163.*

³⁶ *Мухтаров А. Указ. раб. С. 17.*

³⁷ *Кушакевич А. А. Аулы, урочища и кишлаки... С. 68; Сборник материалов для статистики Самаркандской области... С. 229—230.*

³⁸ *Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 87.*

³⁹ Там же. С. 73.

⁴⁰ *Гребенкин А. Д. Таджики. Узбеки* // Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 69.

⁴¹ *Кармышева Б. Х. Указ. раб. С. 173—176; Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 87.*

⁴² *Бушков В. И. Этнические процессы... С. 28, 30, 36.*

⁴³ *Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 80, 85.*

⁴⁴ Отнесение тех или иных групп, подчиненность которых не установлена, дана по: *Кармышева Б. Х. Указ. раб. С. 91—93, 99—101, 105.*

⁴⁵ О проблеме сартов, о происхождении которых исследователи до сих пор придерживаются различных точек зрения, написано много. См.: *Борнс А. Путешествие в Бухару в 1832 и 1833 годах. Ч. 2. М., 1848; Гребенкин А. Д. Таджики. Узбеки...; Хорошихин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876; Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; Остоунов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896; Шишов А. П. Сарты* // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Вып. 11—12. Ташкент, 1904—1905; *Бартольд В. В. Сарт* // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964, и др. Из современных исследований о значении термина *сарт* писала, например, Б. Х. Кармышева (Указ. раб. С. 147).

⁴⁶ *Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 54—55, 99; Бушков В. И. Население Северного Таджикистана... С. 81.*

⁴⁷ В названии селения сохранился, видимо, древний уструшанский топоним Бурджан — как назывался один из пяти крупных арыков Бунджиката (совр. Шахристана).

⁴⁸ Подсчитано по: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1974. С. 301.*

⁴⁹ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1987. С. 511.

⁵⁰ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. С. 69—70. Кроме того, высказывается точка зрения, что конфликтные ситуации в национальных отношениях вызываются специфическими для каждого конкретного региона причинами: см. Чешко С. В. Национальный вопрос в СССР // Сов. этнография. 1988. № 4. С. 62—72. Наши полевые материалы полностью согласуются с такой посылкой, подтверждением которой может служить национальная ситуация в соседнем с Ленинадской обл. Баткенском р-не КиргССР, где в основе социальной напряженности лежат иные, чем в Северном Таджикистане, причины, проявляющиеся в иной форме национальных отношений.

© 1990 г.

П. Е. Рязанов

ДРЕВНИЙ ЖЕНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Календарем как распределителем отдельных видов деятельности по временам года люди начали пользоваться в глубокой древности. Старейший славянский календарь из земли полян (IV в. н. э.), судя по расшифровке Б. А. Рыбакова, служил аграрно-магическим целям; в нем отмечены основные сельскохозяйственные работы и языческие праздники¹. Изучение народных вышивок русского Севера, так называемых «кругов» или «месяцев», распространенных в конце XIX — начале XX в. в Каргополье (Архангельская губ.), приводит к убеждению, что в славянском мире употреблялся еще и специфически женский календарь, в котором отмечались определенные сроки, связанные с физиологией организма, деторождением и отправлением религиозных обрядов.

Впервые эти вышивки исследовал Г. П. Дурасов²; его материалы и выводы использованы Б. А. Рыбаковым в монографии по славянскому язычеству³. Представление о кругах-вышивках дает схематичная прорисовка «месяца» с передника, хранящегося в Музее Московского текстильного института, на которой видны все составляющие его узоры (рис. 1). На этой вышивке несколько «кругов», все они обрамлены растительным орнаментом. «Круг» составляют розетка-солнышко (12 узорных лепестков с кольцом-чашечкой в центре) и похожее на браслет незамкнутое кольцо-«месяц», на которое нанесены символические знаки. Двенадцать лепестков «круга» Г. П. Дурасов определил как символы месяцев, а полукольцо-браслет как графическое изображение года. Все знаки на «браслете» он соотнес с земледельческим календарем — народным месяцесловом. Но значение узоров на лепестках «солнышка» осталось нераскрытым, высказана лишь догадка, что в основе кругов-месяцев лежит стремление обеспечить не только будущее плодородие полей, но и умножение человеческого рода, — на это указывает совмещение в одной композиции символов солнца и месяца — светил, которые почитались в народе покровителями брака⁴.

Но что означают различные деления на лепестках, почему они разнятся по форме, что выражают сплюснутые колечки (полосы) на «браслете»? Каков смысл деления на неполном колечке «январского» лепестка и на колечке-чашечке розетки? Почему часть лепестков вышивается в виде завитков-кудрей? И что представляет собой вся вышивка? В поисках ответов на эти вопросы необходимо последовательно рассмотреть узоры круга-розетки, полукольца-браслета и всю вышивку в целом.

Розетка-солнышко. Розетка-солнышко состоит из 6 лепестков и 6 «кудрей» (неоконтуренных завитков). Всех их 12 и они означают, по-видимому, 12 месяцев года. Но они имеют и другие значения. Так, из шести оконтуренных лепестков вышивальщицей выделены четыре — март, май, сентябрь и ноябрь (четырёхлепестковый цветок). Их объединяет одинаковая графическая форма и нали-